

ГОРОД БЕЗ ОТРАЖЕНИЙ

АРХИВ ТЕНЕЙ • КНИГА ПЕРВАЯ

L. VEYRON

L Veyron

Город без отражений

«Автор»

2026

Veyron L.

Город без отражений / L. Veyron — «Автор», 2026

В Вейграде отражение считается доказательством существования. Если оно исчезает, человека начинают забывать все, кто его знал. Архивист Мара Велесова обнаруживает в зеркале живое отражение убитого советника и понимает, что городская Палата много лет скрывает тысячи стёртых имён. Чтобы вернуть забытых, Маре придётся открыть архив, спрятанный в её собственной памяти, и дать имя существу, которое никогда не должно было его получить.

© Veyron L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Ночь разбитого стекла	6
Глава 1. Мёртвый советник	8
Глава 2. Стекольная	15
Глава 3. Нулевой архив	23
Глава 4. Торговец прошлым	30
Глава 5. Бал зеркал	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

L Veyron

Город без отражений

L. VEYRON

ГОРОД

БЕЗ ОТРАЖЕНИЙ

Книга первая цикла «Архив теней»

Мистическое городское фэнтези

Аннотация

В Вейграде отражение считается доказательством существования. Если оно исчезает, человека начинают забывать все, кто его знал. Архивист Мара Велесова обнаруживает в зеркале живое отражение убитого советника и понимает, что городская Палата много лет скрывает тысячи стёртых имён. Чтобы вернуть забытых, Маре придётся открыть архив, спрятанный в её собственной памяти, и дать имя существу, которое никогда не должно было его получить.

16+

© L. Veyron, 2026

Пролог. Ночь разбитого стекла

В ту ночь зеркала Вейграда треснули одновременно.

Сначала одно — круглое, в медной раме, висевшее над стойкой ночлежного дома у Восточных ворот. Потом другое — высокое, в полный рост, в спальне советника Белова. Через несколько мгновений звон прокатился по всему городу: от тесных комнат Нижнего берега до зеркальных галерей Дворца Семи Мостов.

Люди просыпались и видели на полу серебристую крошку. Некоторые замечали, что осколки продолжают отражать их лица. Другие — что отражения в них отвернулись.

Маре было семь лет.

Мать тащила её за руку по лестнице Палаты Отражений. На каждом пролёте горели синие лампы, но свет не разгонял темноту. Он только делал её глубже. Позади гудел колокол тревоги, и между ударами слышались чужие шаги.

— Быстрее, — повторяла мать. — Что бы ни услышала, не оборачивайся.

— А папа?

— Он найдёт нас.

Это была первая ложь, которую Мара запомнила навсегда.

Они спустились в подземный архив. Там стояли тысячи узких шкафов, а в каждом хранилась зеркальная пластина с последним зарегистрированным отражением жителя города. Серебряные карточки мерцали в темноте, словно замёрзшие окна.

Мать заперла дверь и опустилась перед Марой на колени. На её щеке была кровь. В руке она держала маленькое овальное зеркальце.

— Послушай меня. Сейчас я спрячу кое-что в твоём отражении.

— Мне будет больно?

— Нет. Но однажды тебе придётся это найти.

За дверью остановились шаги.

Мать прижала зеркальце к груди Мары. Серебро стало холодным, как лёд. В отражении девочка увидела себя, мать и высокого человека за её плечом.

В комнате никого больше не было.

— Он уже здесь, — прошептала Мара.

Мать не обернулась. Только закрыла ладонью зеркальную поверхность.

— Запомни три вещи. У тени нет голоса. У мёртвого нет отражения. И никогда не верь человеку, который помнит то, чего не было.

Дверь прогнулась под ударом.

Мать поцеловала Мару в лоб и толкнула в узкий промежуток между шкафами.

— Беги до стены. Там будет служебный ход.

— А ты?

— Я следом.

Вторая ложь.

Мара побежала. За спиной раздался треск дерева, чей-то спокойный мужской голос и короткий вскрик. Потом по полу покатилося зеркальце.

Она всё-таки обернулась.

Мать стояла перед разбитой дверью одна. Высокий человек существовал только в осколках у её ног. Он улыбался из каждого кусочка стекла.

А затем мать исчезла.

Не растворилась и не упала. Мир просто перестал признавать, что она когда-либо была.

Через минуту прибежавшие стражники нашли в архиве перепуганную девочку. Они спрашивали её имя, имя отца и почему она одна ночью оказалась в Палате.

Когда Мара назвала мать, никто не понял, о ком она говорит.

Наутро городские газеты сообщили о землетрясении. Палата объявила, что все реестры целы. Совет заверил жителей, что Вейграду ничего не угрожает.

А Мара впервые увидела, как её отражение шевельнуло губами отдельно от неё.

«Не забудь».

Глава 1. Мёртвый советник

Двадцать лет спустя в Палату Отражений принесли человека без лица.

Он лежал на чёрных носилках, накрытый до подбородка серой тканью. Черты у него были — высокий лоб, тонкий нос, седые виски, — но взгляд скользил мимо них. Лицо не задерживалось в памяти. Стоило отвернуться, и невозможно было сказать, старик он или юноша, знакомый или незнакомец.

Мара Велесова поняла, что это советник Белов, только по перстню с гербом Семи Мостов.

— Где нашли тело? — спросила она.

Капитан городской стражи снял мокрые перчатки. Его плащ пах дождём и речным дымом.

— В собственном кабинете. Дверь заперта изнутри, окна закрыты. Слуги слышали звон и вызвали патруль.

— Какой звон?

— Будто разбилось большое зеркало.

Мара подняла взгляд. Капитану было около тридцати. Тёмные волосы он коротко стриг, на подбородке белел тонкий шрам. На форме не было ни одной лишней застёжки, зато на левом запястье виднелась серебряная нить — старый оберег от забвения.

— Ваше имя?

— Клим Ардан. Отдел невозможных происшествий.

— Такого отдела не существует.

— Поэтому нас редко беспокоят.

Он произнёс это без улыбки.

Мара откинула ткань. На груди мертвеца чернел знак, похожий на раскрытый глаз. Кожа вокруг него была покрыта серебристой пылью.

— К зеркалу его подносили?

— Трижды. Ничего.

Это было хуже отсутствия лица. Каждый человек отражался хотя бы в одном из трёх истинных материалов: стекле, спокойной воде или полированном серебре. Если не отражался нигде, Палата считала его безликим, а безликие не могли оставаться в памяти живых.

— Кто уже видел тело?

— Я, лекарь, двое стражников и слуга.

— И вы всё ещё помните, кто это?

Ардан коснулся серебряной нити.

— Пока да.

Мара позвала младшего архивиста. Рина вошла с подносом, на котором лежали три регистрационных зеркала. Первое было из вейградского стекла, второе — из чёрного серебра, третье — из горного хрусталя.

— Закрой дверь, — сказала Мара. — И никого не впускай.

Рина увидела тело и побледнела.

— Это кто?

— Советник Белов.

— Я знаю Белова. Он был...

Она замолчала, пытаясь вспомнить.

— Началось, — сказал Ардан.

Мара поставила первое зеркало у головы мертвеца. Стекло отразило потолок, синюю лампу и её собственную руку. Там, где должно было быть лицо Белова, зияла мутная пустота.

Второе зеркало показало то же самое.

В третьем появился мужчина.

Он сидел в кресле, хотя тело лежало на столе. Был жив, испуган и бил ладонями по обратной стороне стекла. Мара узнала советника сразу.

Белов что-то кричал, но звук не проходил наружу.

— Вы это видите? — спросил Ардан.

— Вижу.

Мара коснулась поверхности. Отражение резко приблизилось и выдохнуло на стекло. На запотевшем пятне проступили четыре слова:

НЕ ВЕРЬ СВОЕМУ ЛИЦУ.

Затем Белов обернулся. За креслом стояла высокая фигура без черт. Она положила руки ему на плечи.

Хрустальное зеркало лопнуло.

Рина вскрикнула и выронила поднос. Мара успела отшатнуться, но один осколок рассёк ей ладонь.

Кровь упала на пол.

Её отражение в уцелевшем осколке подняло голову и посмотрело прямо на неё.

На этот раз губы произнесли другое:

«Он вернулся».

До рассвета тело Белова поместили в соляную камеру. Соль замедляла забвение, но не останавливала его. К утру Рина уже дважды спросила, чьё тело они охраняют.

Мара помнила всё.

Это пугало сильнее, чем если бы память начала исчезать.

Она спустилась на нижний уровень архива, где хранились личные пластины членов Совета. Золотой ключ Белова открыл шкаф под номером семь. Внутри лежала пустая бархатная подложка.

— Пластина исчезла до убийства или после? — спросил Ардан.

Он настоял, чтобы идти с ней. Мара не спорила: после смерти Белова коридоры Палаты казались слишком длинными, а зеркальные вставки на стенах — слишком внимательными.

— Если её изъяли раньше, советника готовили к стиранию, — ответила она. — Если после, убийца вернулся в Палату.

— Кто имеет доступ?

— Хранитель архива, ректор Палаты, трое старших архивистов и сам советник.

— Вы?

— Я старший архивист.

Ардан посмотрел на неё спокойно, без подозрительной паузы. Это почему-то раздражало сильнее прямого обвинения.

— Вчера ночью вы были здесь?

— До десяти. Потом ушла домой.

— Кто может подтвердить?

— Мой кот.

— Надёжный свидетель?

— Продаст меня за сушёную рыбу.

Впервые в его лице мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Мара вынула журнал доступа. Последняя запись принадлежала ректору Северину Крою. Он посещал хранилище Белова три дня назад.

— Ректор имеет право проверять любую пластину, — сказала она.

— А советник Белов имел право проверять ректора?

— Формально — да.

— Формально люди обладают множеством прав, которыми не успевают воспользоваться. На лестнице послышались торопливые шаги. Рина появилась между шкафами.

— Мара Андреевна, наверху мальчик. Говорит, что знает убитого.

Мальчику было лет двенадцать. Худой, в слишком большом пальто, с мокрыми волосами и разбитой губой. Он сидел на краю скамьи, сжимая холщовый мешок.

— Меня зовут Лио, — сказал он. — Я видел, как господин Белов вошёл в зеркало.

Ардан присел напротив.

— Где?

— У старой стекольни. Три ночи назад.

— Почему ты не сообщил страже?

— Потому что стражник отвёл меня к приюту. А из приюта я сбежал.

— Почему?

Лио открыл мешок. Внутри лежал осколок зеркала, завёрнутый в шерсть.

— Там все забыли мою маму. Сначала хозяйка комнаты, потом соседи. Вчера её имя исчезло из домовой книги. Сегодня утром я нашёл это под дверью.

Мара осторожно развернула ткань. В осколке не отражался мальчик.

— Давно это началось?

— Три дня назад. Мама ушла на работу и не вернулась. Она служила у советника Белова.

Ардан нахмурился.

— Как её зовут?

— Адела Сорн.

Мара записала имя. Чернила легли на бумагу, но через мгновение буквы побледнели.

Лио выхватил лист и прижал к груди.

— Видите? Так со всем происходит. Скоро и я забуду.

— Ты не забудешь, — сказала Мара.

— Откуда вы знаете?

Она не знала. Но слишком хорошо помнила девочку, которой двадцать лет назад никто не поверил.

— Потому что мы найдём её раньше.

Ардан поднялся.

— Старая стекольня закрыта десять лет.

— Значит, там нам никто не мешает, — ответила Мара.

— Обычно закрытые десять лет места закрыты не для удобства следователей.

— Ваш отдел занимается невозможными происшествиями. Попробуйте соответствовать названию.

Они оставили Лио с Риной и вышли через служебный двор. Дождь прекратился, но над крышами висел густой белый туман.

На противоположной стороне улицы стоял человек в сером пальто.

Мара увидела его только на миг. Проехала карета, заслонив обзор, и человек исчез.

В витрине напротив он остался.

Отражение высокого мужчины повернулось вслед Маре и подняло руку в приветствии.

До следующего колокольного удара оставалось меньше часа, но в этом месте время всегда лгало.

В ночная Палата и соляная камера Мара снова пересчитала выходы. Их было 3, хотя при входе она заметила на один меньше. Клим держался рядом и делал вид, что не замечает, как Мара касается большого пальца, — привычка, оставшаяся с детства. В воздухе жил звон; от него поверхность ближайшего зеркала мутнела по краям.

— Мы можем вернуться, — сказал Клим.

— Можем, — ответила Мара. — Но тогда кто-то другой решит, что именно здесь произошло. А чужие решения в Вейграде слишком часто становятся чужой памятью.

Она произнесла это спокойно, хотя место вытолкнуло на поверхность синюю лампу над архивной лестницей. Воспоминание было ясным и потому подозрительным: настоящая память редко сохраняет правильный свет, точные слова и удобное чувство вины. Мара позволила ему пройти сквозь себя, не споря. Зеркальная магия цеплялась за сопротивление; принятую боль ей было труднее превратить в дверь.

След вывел их к тому, что сначала казалось случайностью: серебряная пыль в швах перстня Белова. Мара наклонилась, не прикасаясь. На поверхности проступали мелкие линии, похожие на письма, но складывались они только в отражении. Она достала карманную пластину, повернула её к свету и увидела между царапинами повторённый знак раскрытого глаза.

— Это оставили для нас? — спросил Клим.

— Нет. Для того, кто должен был прийти раньше.

— И кто это?

— Я, если бы двадцать лет назад не была ребёнком.

Ответ прозвучал резче, чем она хотела. Клим не стал утешать. Он лишь встал так, чтобы в пластине были видны две фигуры. Это был простой жест свидетеля: если кто-то исчезнет из памяти, оставшийся заметит пустое место.

Именно тогда стража требует закрыть дело до рассвета. Сначала изменился свет, затем отражения повернули головы. Настоящие люди ещё не успели понять, что происходит, а их зеркальные двойники уже смотрели в сторону ближайшего выхода. Мара ощутила знакомое давление под рёбрами — будто невидимая рука пыталась вынуть из неё имя.

— Смотри на меня, — приказала она Климу. — Назови то, что знаешь наверняка.

— Ты Мара Велесова. Ты ненавидишь сладкий чай. Когда злишься, перестаёшь моргать. И ты не оставляешь людей в запертых комнатах.

— Последнее не факт.

— Для меня — факт.

Комната дрогнула. Несколько отражений вернулись к движениям хозяев. Мара поняла: заклятие пыталось заменить свидетельство правдоподобной версией. Версия могла быть красивой, убедительной и даже милосердной, но ей недоставало живого человека, готового отвечать за свои слова.

Они двинулись дальше, отмечая путь мелом на рамах. Через каждые десять шагов Мара заставляла себя сопоставить одну подробность: трещину, пятно копоти, сорванную петлю, чужой волос. Так из мелочей возникала последовательность. Не чудо и не пророчество — поступки. Кто-то пришёл сюда заранее, подготовил ловушку и был уверен, что жертвы станут сомневаться в себе раньше, чем в увиденном.

За следующей дверью их ждал выбор. На одном стекле Мара увидела город спасённым и тихим. На другом — людей, возвращавшихся из забвения растерянными, сердитыми, непохожими на тех, кого ждали родные. Между зеркалами не было пути, который обещал бы счастье всем.

— Какое настоящее? — спросил Клим.

— Оба возможны.

— Тогда как выбирать?

Мара приложила ладонь к холодной раме.

— Не выбирать картинку. Выбирать действие, за которое согласен отвечать после того, как картинка окажется ложью.

Она разбила первое стекло рукоятью архивного ножа. Благополучный город рассыпался без звука. Во втором отражении вернувшиеся подняли головы, словно услышали удар, и один

из них улыбнулся. Не благодарно — вызывающе. Мара улыбнулась в ответ. Живые не обязаны быть удобными доказательствами правильности её решения.

Внутри рамы обнаружилась тонкая запись. Буквы проступили от тепла её пальцев, и смысл оказался неприятнее угрозы: Белов перед смертью сам вынул свою пластину. Мара прочитала дважды. Во второй раз слова не изменились.

— Скажем остальным? — спросил Клим.

— Всё, кроме вывода.

— Почему?

— Потому что вывод должен выдержать чужие вопросы. Иначе это ещё одно зеркало, в котором я люблю собственную правоту.

Они переписали находку, поставили время и подписи, а затем добавили третью строку — что каждый из них помнил до входа. Так учила Лидия: свидетельство начинается не с уверенности, а с границы собственной памяти. Когда Мара закончила, буквы на скрытой пластине потемнели и больше не пытались перестроиться.

На обратном пути место снова испытало их. Из бокового прохода донёсся голос матери Мары — усталый, тёплый, живой. Он позвал её домашним именем, которого не знал никто из нынешних спутников. Мара остановилась. На один страшный миг ей захотелось отдать все найденные доказательства за право услышать ещё одно слово.

Клим не схватил её за руку.

— Я слышу голос, — сказал Клим. — Но не вижу человека. Решение твоё.

Мара закрыла глаза, досчитала до семи и пошла дальше. Голос стал злым, потом испуганным, потом детским. У порога он замолчал. В карманной пластине отражалась пустая дверь, а на плече Мары лежала рука Клим — настоящая, тяжёлая, не обещавшая вернуть прошлое.

Снаружи город встретил их шумом воды и колёс. Обыденность не уничтожила случившееся, зато вернула ему меру. Мара записала находку в рабочую книгу, оставив широкий край для будущих возражений. Под записью она вывела: «Память не приговор. Свидетель — не хозяин. Имя не принадлежит тому, кто его хранит».

— Это новое правило? — спросил Клим.

— Пока только попытка.

— А когда станет правилом?

— Когда переживёт нас.

Позже, когда первое потрясение отступило, Мара вернулась в ночная Палата и соляная камера. Она всегда возвращалась на место после того, как остальные считали работу законченной. Страх менял масштаб вещей; только во второй визит становилось видно, какие следы оставил человек, а какие подсказки услужливо подложила магия.

Клим ждал у входа и держал погасший фонарь. О голосе Лидии они не заговорили. Молчание между ними не было тайной — скорее отсроченным разговором, которому следовало дать правильное время.

— Я нашёл свидетеля, — наконец сказал Клим. — Ночная аптекарша. Утверждает, что видел свет за час до события.

— Утверждает или помнит?

— Какая разница?

— Утверждение можно проверить. Память приходится беречь даже тогда, когда она ошибается.

Свидетель говорил сбивчиво и трижды менял цвет увиденного света. Мара не поправляла. Она просила описать не главное, а края: куда текла вода, какая рука замёрзла первой, скрипела ли вывеска, лаяли ли собаки. Ложная память заботилась о центре истории и редко тратила силу на ненужные подробности. На четвёртом вопросе выяснилось, что перед вспышкой все уличные зеркала отразили полдень.

— Но было за полночь, — сказал Клим.

— Значит, нам показали не другое место. Нам показали другое время.

Мара разложила копии показаний на каменном парапете. Рядом лег рисунок находки — серебряная пыль в швах перстня Белова. Если перевернуть лист и смотреть сквозь него на свет, линии совпадали с планом старых водостоков. Один канал вёл к зданию, которого не значилось ни на одной современной карте.

— Случайность? — спросил Клим.

— Случайность не тратит столько усилий, чтобы выглядеть случайностью.

Они спустились к каналу. Вода доходила до щиколоток и была неподвижной, хотя над головой шумела река. На стенах через равные промежутки висели маленькие зеркала обратной стороной наружу. Мара не поворачивала их. В архивной школе учили, что неизвестное зеркало надо открыть как письмо: установить отправителя, адресата и причину, по которой послание не уничтожили.

На третьей раме сохранился отпечаток воска. На шестой — нитка с форменного плаща. Девятая была тёплой. За ней кто-то дышал.

— Если там человек? — тихо спросил Клим.

— Тогда мы обязаны открыть.

— А если не человек?

— Тогда обязаны открыть медленнее.

Они натянули свидетельскую нить между запястьями. Мара повернула зеркало. За стеклом находилась маленькая комната, освещённая летним солнцем. За столом сидела девочка семи лет и старательно выводила в тетради имя Мары. Она подняла голову точно в тот миг, когда зеркало открылось.

— Ты опоздала, — сказала девочка.

Мара узнала собственный голос, но не собственную память.

— К чему?

— К тому дню, когда можно было никого не потерять.

На столе появились две чашки. Во второй поднимался пар. Мара почувствовала яблоко и корицу, услышала шаги матери в соседней комнате. Ловушка не обещала невозможного. Она предлагала всего лишь остаться на минуту, задать один вопрос, увидеть одно лицо. Самые прочные двери всегда начинались с маленького разрешения.

— Назови дату, — сказал Клим.

Девочка нахмурилась.

— Зачем?

— У всякого настоящего дня есть дата.

Комната за зеркалом мигнула. Солнечный свет стал плоским. Девочка открыла рот, но вместо ответа из него посыпалась серебряная пыль. Мара захлопнула раму и опечатала её солью.

Под зеркалом обнаружилась надпись, оставленная ногтем: «Белов перед смертью сам вынул свою пластину». Она не доказывала вывод, но связывала разрозненные события с чьим-то намерением. Так история переставала быть чередой чудовищных совпадений.

Когда они выбрались наверх, стража требует закрыть дело до рассвета. На этот раз Мара не бросилась гасить последствия в одиночку. Она передала Климу копию записи и велела прочесть её вслух перед двумя посторонними. Слова, разделённые между людьми, теряли власть тайного приказа.

— Ты доверяешь мне? — спросил Клим, когда всё закончилось.

— Доверяю достаточно, чтобы проверять.

— От тебя это почти признание.

— Не привыкай.

Он улыбнулся, и на короткий миг его отражение улыбнулось одновременно с ним. Мара заметила это и почувствовала облегчение, слишком простое для торжества. Она внесла в журнал имя свидетеля, время разговора и все противоречия. В конце оставила пустую строку.

— Для чего она?

— Для того, что мы пока не готовы увидеть.

Пустая строка была честнее точки. Она признавала: расследование продолжается, а найденная правда не даёт права закрыть чужую историю удобным выводом.

В архиве они работали до утра. Мара разделила стол мелом на три части: подтверждённое, вероятное и желаемое. Последняя колонка была самой важной. Именно туда она записала надежды, которые могли заставить их принять удобную ложь за доказательство.

— Ты всерьёз собираешься записывать собственные ошибки заранее? — спросил Клим.

— Ошибки заранее называются предположениями. Если их не записать, после победы они притворятся прозрениями.

Они восстановили путь по минутам. В показаниях не хватало четверти часа; в реестре — одной подписи; в памяти Мары — лица человека, который должен был стоять у двери. Все три пустоты имели одинаковую форму. Когда поверх схемы положили зеркальную кальку, возник адрес.

По адресу находилась прачечная, закрытая много лет назад. Хозяйка помнила каждого клиента, кроме одного: человека, приносившего совершенно чистые простыни. В его карманах она однажды нашла осколки регистрационных пластин и вернула, не задавая вопросов.

— Почему молчали? — спросила Мара.

— Потому что он назвал имя моего сына, — ответила женщина. — Сын умер младенцем. Никто, кроме меня, его не знал.

Мара записала имя мальчика полностью. Свидетельница заплакала не от горя, а от облегчения: впервые за сорок лет кто-то произнёс его вслед за ней. На внутренней стороне двери прачечной обнаружился тот же знак, что сопровождал их расследование.

Вернувшись, Мара перенесла адрес в колонку подтверждённого, а фразу «Белов перед смертью сам вынул свою пластину» — в вероятное. Затем зачеркнула в желаемом слова «я успею спасти всех».

— Жестоко, — сказал Клим.

— Зато не к ним. К себе.

За окнами зажигались утренние фонари. Их отражения тянулись по стеклу длиннее настоящих фигур. Мара закрыла журнал и поставила две печати — свою и Клина. Теперь, если одну память перепишут, вторая сохранит не только вывод, но и путь к нему.

Глава 2. Стекольная

Старая стекольная стояла у Четвёртого моста, за стеной заброшенных складов. Её трубы давно не дымили, окна были заколочены, а на воротах висела печать Палаты.

Печать оказалась поддельной.

— Цвет воска правильный, — сказала Мара, рассматривая знак. — Но у истинной печати отражение всегда повернуто в другую сторону.

Ардан провёл пальцем по краю.

— Кто-то рассчитывал, что сюда никто не придёт.

— Или хотел понять, кто заметит подделку.

Он взглянул на крыши.

— Тогда мы уже сообщили о себе.

Внутри пахло мокрой золой. Огромные печи темнели в глубине цеха. Под ногами хрустело стекло, хотя оконные рамы оставались целыми.

Мара достала карманное зеркало и направила его на проход между печами. В отражении коридор был освещён. По нему тянулись свежие следы босых ног.

— Здесь проходили люди, которых не видит обычный свет, — сказала она.

— Безликие?

— Безликие всё ещё видимы. Их просто невозможно запомнить. Этим скрывали намеренно.

Они пошли за отражёнными следами. Коридор вывел к лестнице под землю. На стенах были выцарапаны имена. Большинство уже нельзя было прочесть.

На нижнем уровне работала печь.

Вокруг неё стояли столы с металлическими формами. В каждой форме лежал тонкий овальный лист зеркального серебра. Некоторые пластины изображали лица. Другие оставались пустыми.

— Это копии регистрационных пластин, — прошептала Мара. — Но такие невозможно сделать без исходного отражения.

Ардан подошёл к дальней стене. Там висели десятки портретов жителей города: лавочники, чиновники, извозчики, дети. Глаза у всех были выцарапаны.

— Вы знаете кого-нибудь?

Мара всматривалась в лица. Каждое казалось знакомым, но имя ускользало.

— Нет.

Из-за печи донёсся тихий стон.

Они нашли женщину, привязанную к стулу. На голове у неё была железная маска, внутренняя сторона которой состояла из зеркальных игл. Ардан перерезал ремни. Мара сняла маску и увидела лицо Аделы Сорн.

— Она жива, — сказал Ардан.

Женщина открыла глаза.

— Лио, — выдохнула она. — Где мой сын?

— В безопасности.

Адела схватила Мару за руку.

— Не позволяйте им открыть Великую раму.

— Кто это сделал?

Женщина посмотрела на зеркальные пластины.

— Советник хотел рассказать Совету. Он нашёл списки... имена тех, кого забрали в Ночь разбитого стекла. Они не умерли. Их держат внутри.

— Внутри чего?

Печь погасла.

Темнота упала мгновенно. Ардан выхватил клинок, по лезвию пробежала синяя искра. В её свете Мара увидела, как пустые пластины на столах начинают заполняться лицами.

Десятки ртов раскрылись без звука.

Адела закричала.

Из зеркального металла поднялись руки. Они хватали воздух, края столов, одежду. Одна сомкнулась на запястье Мары. Прикосновение было ледяным.

В памяти вспыхнула кухня родительского дома: отец режет хлеб, мать смеётся у окна. Картинка дрогнула и стала бледнеть.

Мара ударила ладонью по пластине.

— Моё имя — Мара Велесова.

Рука ослабила хватку.

— Что вы делаете? — крикнул Ардан.

— Называйте себя! Они забирают память через то, что мы забыли о себе.

— Клим Ардан. Капитан городской стражи.

Синяя искра на его клинке вспыхнула ярче. Он рассёк ближайшую руку. Та рассыпалась серебряной пылью.

Мара повторяла своё имя, пока тащила Аделу к лестнице. Вокруг шептали чужие голоса. Они называли её дочерью, лгуньей, свидетелем. Один голос принадлежал матери.

— Мара, останься.

Она не обернулась.

У выхода Ардан опрокинул масляную бочку и поджёг разлившееся масло. Огонь побежал по полу. Зеркальные пластины завизжали так, что задрожали стены.

Когда они выбрались наружу, стекольня уже горела.

Адела лежала на мокрых камнях и тяжело дышала. Лицо её снова стало ускользать из памяти.

— Нужна соль, — сказала Мара. — И регистрационное зеркало.

Адела потянула её к себе.

— У ректора нет отражения, — прошептала она. — То, что ходит по Палате, только научилось носить его лицо.

После этих слов женщина потеряла сознание.

На крыше соседнего склада стоял мужчина в сером пальто. Пламя освещало его лицо.

Это был ректор Северин Крой.

Ректор принял их через час после возвращения.

Северин Крой занимал должность почти тридцать лет и выглядел не старше пятидесяти. Серебристые волосы, безупречно чёрный костюм, спокойные руки музыканта. Его кабинет был единственной комнатой Палаты, где не имелось ни одного зеркала.

— Старая стекольня сгорела, — сказал он. — Чрезвычайно неудачно.

— Там изготавливали незаконные регистрационные пластины, — ответила Мара.

— Теперь мы не сможем это доказать.

Ардан положил на стол уцелевшую форму.

— Этого достаточно для начала расследования.

Ректор осмотрел металл, не прикасаясь.

— Капитан, Палата сотрудничает со стражей, но дела, связанные с отражениями, остаются в нашей юрисдикции.

— Убит член Совета.

— Советник Белов умер от остановки сердца.

— Кто вам это сказал?

— Лекарь, осматривавший тело.

Ардан помолчал.

— Я не называл имени лекаря.

— В городе не так много специалистов, способных работать с безликими.

Северин перевёл взгляд на Мару.

— А вы снова решили, что прошлое вернулось.

Она почувствовала холод в ладонях.

— Снова?

— После гибели вашего отца вы несколько лет рассказывали о женщине, которую называли матерью. В записях её не существовало. Свидетелей не было. Детская травма иногда создаёт удивительно прочные воспоминания.

— Я не говорила вам, что видела вас у стекольной.

— Потому что меня там не было.

— Ваше отражение было.

Северин улыбнулся.

— Отражение может лгать. Именно поэтому Палата существует.

В дверь постучали. Вошёл седой хранитель Терен — непосредственный начальник Мары. Он положил перед ректором приказ.

— Совет соберётся вечером. До этого времени доступ к нижним архивам закрыт.

— На каком основании? — спросила Мара.

— Утеряна пластина Белова. Пока не выяснено, кто её вынес, все старшие архивисты отстранены.

Северин подписал приказ.

— Сдайте ключи, госпожа Велесова.

Мара сняла с пояса связку. Среди семи бронзовых ключей был один железный — от сектора, которого официально не существовало. Она зажала его в ладони и положила на стол остальные.

Ректор пересчитал их взглядом.

— Все?

— Все служебные.

Когда они вышли, Ардан тихо сказал:

— Вы солгали человеку без отражения.

— Пока мы не доказали, что у него его нет.

— Тогда вы солгали ректору Палаты. Не уверен, что это безопаснее.

Они нашли Рину в лечебном крыле. Адела лежала в соляном круге и металась в жару. Лио сидел рядом, держал мать за пальцы и вслух перечислял всё, что о ней помнил: как она печёт яблоки, как боится грома, как прячет деньги в синем чулке.

С каждым воспоминанием лицо женщины становилось яснее.

— Продолжай, — сказала Мара. — Память возвращает её лучше соли.

Лио кивнул, не переставая говорить.

Рина отвела Мару в сторону.

— В журнале Белова появилась новая запись.

— Появилась?

— Чернила проступили сами. Будто запись всё время была там, но её скрывали.

Она передала сложенный лист. На нём стояла дата Ночи разбитого стекла и номер хранилища: Ноль.

Нулевой архив был старой легендой Палаты. Считалось, что там хранятся отражения людей, которых город не должен помнить.

— Где вход? — спросил Ардан.

Мара показала железный ключ.

— Под залом регистрации. Но замок открывается только после полуночи.

— Почему?

— Потому что днём в Вейграде слишком много глаз.

Вечером они разошлись, договорившись встретиться у восточного входа. Мара вернулась в свою квартиру над переплётной мастерской. Кот встретил её у двери, но вместо обычного требования еды выгнул спину и зашипел на прихожую.

Зеркало на стене было затянуто изнутри белым туманом.

На стекле кто-то написал пальцем:

ОТДАЙ КЛЮЧ.

Мара накрыла зеркало плащом.

Из-под ткани раздался голос матери:

— Не ходи в Нулевой архив.

— Ты не моя мать.

— Тогда почему ты всё ещё помнишь мой голос?

Ткань медленно втянулась в зеркало. На поверхности появилось отражение комнаты, но самой Мары в нём не было.

За её спиной стоял ректор.

Она резко обернулась. Прихожая была пуста.

Когда Мара снова посмотрела в зеркало, Северин держал палец у губ.

Мара остановилась не из-за страха. Страх она научилась узнавать давно; сейчас её удержало несоответствие.

В заброшенная стекольная у Четвёртого моста Мара снова пересчитала выходы. Их было 3, хотя при входе она заметила на один меньше. Лио держался рядом и делал вид, что не замечает, как Мара касается большого пальца, — привычка, оставшаяся с детства. В воздухе жил сухой шёпот; от него поверхность ближайшего зеркала мутнела по краям.

— Мы можем вернуться, — сказал Лио.

— Можем, — ответила Мара. — Но тогда кто-то другой решит, что именно здесь произошло. А чужие решения в Вейграде слишком часто становятся чужой памятью.

Она произнесла это спокойно, хотя место вытолкнуло на поверхность имя, выведенное детской рукой на запотевшем окне. Воспоминание было ясным и потому подозрительным: настоящая память редко сохраняет правильный свет, точные слова и удобное чувство вины. Мара позволила ему пройти сквозь себя, не споря. Зеркальная магия цеплялась за сопротивление; принятую боль ей было труднее превратить в дверь.

След вывел их к тому, что сначала казалось случайностью: детский отпечаток на горячем зеркале. Мара наклонилась, не прикасаясь. На поверхности проступали мелкие линии, похожие на письма, но складывались они только в отражении. Она достала карманную пластину, повернула её к свету и увидела между царапинами повторённый знак раскрытого глаза.

— Это оставили для нас? — спросил Лио.

— Нет. Для того, кто должен был прийти раньше.

— И кто это?

— Я, если бы двадцать лет назад не была ребёнком.

Ответ прозвучал резче, чем она хотела. Лио не стал утешать. Он лишь встал так, чтобы в пластине были видны две фигуры. Это был простой жест свидетеля: если кто-то исчезнет из памяти, оставшийся заметит пустое место.

Именно тогда стекольщики без лиц окружают плавильню. Сначала изменился свет, затем отражения повернули головы. Настоящие люди ещё не успели понять, что происходит, а их зеркальные двойники уже смотрели в сторону ближайшего выхода. Мара ощутила знакомое давление под рёбрами — будто невидимая рука пыталась вынуть из неё имя.

— Смотри на меня, — приказала она Лио. — Назови то, что знаешь наверняка.

— Ты Мара Велесова. Ты ненавидишь сладкий чай. Когда злишься, перестаёшь моргать. И ты не оставляешь людей в запертых комнатах.

— Последнее не факт.

— Для меня — факт.

Комната дрогнула. Несколько отражений вернулись к движениям хозяев. Мара поняла: заклятие пыталось заменить свидетельство правдоподобной версией. Версия могла быть красивой, убедительной и даже милосердной, но ей недоставало живого человека, готового отвечать за свои слова.

Они двинулись дальше, отмечая путь мелом на рамах. Через каждые десять шагов Мара заставляла себя назвать одну подробность: трещину, пятно копоти, сорванную петлю, чужой волос. Так из мелочей возникала последовательность. Не чудо и не пророчество — поступки. Кто-то пришёл сюда заранее, подготовил ловушку и был уверен, что жертвы станут сомневаться в себе раньше, чем в увиденном.

За следующей дверью их ждал выбор. На одном стекле Мара увидела город спасённым и тихим. На другом — людей, возвращавшихся из забвения растерянными, сердитыми, непохожими на тех, кого ждали родные. Между зеркалами не было пути, который обещал бы счастье всем.

— Какое настоящее? — спросил Лио.

— Оба возможны.

— Тогда как выбирать?

Мара приложила ладонь к холодной раме.

— Не выбирать картинку. Выбирать действие, за которое согласен отвечать после того, как картинка окажется ложью.

Она разбила первое стекло рукоятью архивного ножа. Благополучный город рассыпался без звука. Во втором отражении вернувшиеся подняли головы, словно услышали удар, и один из них улыбнулся. Не благодарно — вызывающе. Мара улыбнулась в ответ. Живые не обязаны быть удобными доказательствами правильности её решения.

Внутри рамы обнаружилась тонкая запись. Буквы проступили от тепла её пальцев, и смысл оказался неприятнее угрозы: пропавших удерживает не стекло, а чужое воспоминание. Мара прочитала дважды. Во второй раз слова не изменились.

— Скажем остальным? — спросил Лио.

— Всё, кроме вывода.

— Почему?

— Потому что вывод должен выдержать чужие вопросы. Иначе это ещё одно зеркало, в котором я люблюсь собственной правотой.

Они переписали находку, поставили время и подписи, а затем добавили третью строку — что каждый из них помнил до входа. Так учила Лидия: свидетельство начинается не с уверенности, а с границы собственной памяти. Когда Мара закончила, буквы на скрытой пластине потемнели и больше не пытались перестроиться.

На обратном пути место снова испытало их. Из бокового прохода донёсся голос матери Мары — усталый, тёплый, живой. Он позвал её домашним именем, которого не знал никто из нынешних спутников. Мара остановилась. На один страшный миг ей захотелось отдать все найденные доказательства за право услышать ещё одно слово.

Лио не схватил её за руку.

— Я слышу голос, — сказал Лио. — Но не вижу человека. Решение твоё.

Мара закрыла глаза, досчитала до семи и пошла дальше. Голос стал злым, потом испуганным, потом детским. У порога он замолчал. В карманной пластине отражалась пустая дверь, а на плече Мары лежала рука Лио — настоящая, тяжёлая, не обещавшая вернуть прошлое.

Снаружи город встретил их шумом воды и колёс. Обыденность не уничтожила случившееся, зато вернула ему меру. Мара записала находку в рабочую книгу, оставив широкий край для будущих возражений. Под записью она вывела: «Память не приговор. Свидетель — не хозяин. Имя не принадлежит тому, кто его хранит».

— Это новое правило? — спросил Лио.

— Пока только попытка.

— А когда станет правилом?

— Когда переживёт нас.

Позже, когда первое потрясение отступило, Мара вернулась в заброшенная стекольная у Четвёртого моста. Она всегда возвращалась на место после того, как остальные считали работу законченной. Страх менял масштаб вещей; только во второй визит становилось видно, какие следы оставил человек, а какие подсказки услужливо подложила магия.

Лио ждал у входа и держал мокрый шарф. О голосе Лидии они не заговорили. Молчание между ними не было тайной — скорее отсроченным разговором, которому следовало дать правильное время.

— Я нашёл свидетеля, — наконец сказал Лио. — Переплётчик. Утверждает, что видел свет за час до события.

— Утверждает или помнит?

— Какая разница?

— Утверждение можно проверить. Память приходится беречь даже тогда, когда она ошибается.

Свидетель говорил сбивчиво и трижды менял цвет увиденного света. Мара не поправляла. Она просила описать не главное, а края: куда текла вода, какая рука замёрзла первой, скрипела ли вывеска, лаяли ли собаки. Ложная память заботилась о центре истории и редко тратила силу на ненужные подробности. На четвёртом вопросе выяснилось, что перед вспышкой все уличные зеркала отразили полдень.

— Но было за полночь, — сказал Лио.

— Значит, нам показали не другое место. Нам показали другое время.

Мара разложила копии показаний на каменном парапете. Рядом лег рисунок находки — детский отпечаток на горячем зеркале. Если перевернуть лист и смотреть сквозь него на свет, линии совпадали с планом старых водостоков. Один канал вёл к зданию, которого не значилось ни на одной современной карте.

— Случайность? — спросил Лио.

— Случайность не тратит столько усилий, чтобы выглядеть случайностью.

Они спустились к каналу. Вода доходила до щиколоток и была неподвижной, хотя над головой шумела река. На стенах через равные промежутки висели маленькие зеркала обратной стороной наружу. Мара не поворачивала их. В архивной школе учили, что неизвестное зеркало надо открыть как письмо: установить отправителя, адресата и причину, по которой послание не уничтожили.

На третьей раме сохранился отпечаток воска. На шестой — нитка с форменного плаща. Девятая была тёплой. За ней кто-то дышал.

— Если там человек? — тихо спросил Лио.

— Тогда мы обязаны открыть.

— А если не человек?

— Тогда обязаны открыть медленнее.

Они натянули свидетельскую нить между запястьями. Мара повернула зеркало. За стеклом находилась маленькая комната, освещённая летним солнцем. За столом сидела девочка семи лет и старательно выводила в тетради имя Мары. Она подняла голову точно в тот миг, когда зеркало открылось.

— Ты опоздала, — сказала девочка.

Мара узнала собственный голос, но не собственную память.

— К чему?

— К тому дню, когда можно было никого не потерять.

На столе появились две чашки. Во второй поднимался пар. Мара почувствовала яблоко и корицу, услышала шаги матери в соседней комнате. Ловушка не обещала невозможного. Она предлагала всего лишь остаться на минуту, задать один вопрос, увидеть одно лицо. Самые прочные двери всегда начинались с маленького разрешения.

— Назови дату, — сказал Лио.

Девочка нахмурилась.

— Зачем?

— У всякого настоящего дня есть дата.

Комната за зеркалом мигнула. Солнечный свет стал плоским. Девочка открыла рот, но вместо ответа из него посыпалась серебряная пыль. Мара захлопнула раму и опечатала её солью.

Под зеркалом обнаружилась надпись, оставленная ногтем: «пропавших удерживает не стекло, а чужое воспоминание». Она не доказывала вывод, но связывала разрозненные события с чьим-то намерением. Так история переставала быть чередой чудовищных совпадений.

Когда они выбрались наверх, стекольщики без лиц окружают плавильню. На этот раз Мара не бросилась гасить последствия в одиночку. Она передала Лио копию записи и велела прочесть её вслух перед двумя посторонними. Слова, разделённые между людьми, теряли власть тайного приказа.

— Ты доверишь мне? — спросил Лио, когда всё закончилось.

— Доверяю достаточно, чтобы проверять.

— От тебя это почти признание.

— Не привыкай.

Он улыбнулся, и на короткий миг его отражение улыбнулось одновременно с ним. Мара заметила это и почувствовала облегчение, слишком простое для торжества. Она внесла в журнал имя свидетеля, время разговора и все противоречия. В конце оставила пустую строку.

— Для чего она?

— Для того, что мы пока не готовы увидеть.

Пустая строка была честнее точки. Она признавала: расследование продолжается, а найденная правда не даёт права закрыть чужую историю удобным выводом.

В архиве они работали до утра. Мара разделила стол мелом на три части: подтверждённое, вероятное и желаемое. Последняя колонка была самой важной. Именно туда она записала надежды, которые могли заставить их принять удобную ложь за доказательство.

— Ты всерьёз собираешься записывать собственные ошибки заранее? — спросил Лио.

— Ошибки заранее называются предположениями. Если их не записать, после победы они притворятся прозрениями.

Они восстановили путь по минутам. В показаниях не хватало четверти часа; в реестре — одной подписи; в памяти Мары — лица человека, который должен был стоять у двери. Все три пустоты имели одинаковую форму. Когда поверх схемы положили зеркальную кальку, возник адрес.

По адресу находилась прачечная, закрытая много лет назад. Хозяйка помнила каждого клиента, кроме одного: человека, приносившего совершенно чистые простыни. В его карманах она однажды нашла осколки регистрационных пластин и вернула, не задавая вопросов.

— Почему молчали? — спросила Мара.

— Потому что он назвал имя моего сына, — ответила женщина. — Сын умер младенцем. Никто, кроме меня, его не знал.

Мара записала имя мальчика полностью. Свидетельница заплакала не от горя, а от облегчения: впервые за сорок лет кто-то произнёс его вслед за ней. На внутренней стороне двери прачечной обнаружился тот же знак, что сопровождал их расследование.

Вернувшись, Мара перенесла адрес в колонку подтверждённого, а фразу «пропавших удерживает не стекло, а чужое воспоминание» — в вероятное. Затем зачеркнула в желаемом слова «я успею спасти всех».

— Жестоко, — сказал Лио.

— Зато не к ним. К себе.

За окнами зажигались утренние фонари. Их отражения тянулись по стеклу длиннее настоящих фигур. Мара закрыла журнал и поставила две печати — свою и Лио. Теперь, если одну память перепишут, вторая сохранит не только вывод, но и путь к нему.

Глава 3. Нулевой архив

В полночь городские часы пробили двенадцать раз. На тринадцатый удар железный ключ нагрелся.

Мара и Ардан стояли под залом регистрации. Над ними круглые сутки принимали горожан: младенцам выдавали первые пластины, приезжим подтверждали лица, умерших исключали из активного реестра. Никто не знал, что на глубине трёх этажей под залом существует ещё одна дверь.

— Если нас поймают, — сказал Ардан, — вы потеряете должность.

— А вы?

— Мой отдел не существует. Потерять его будет трудно.

Ключ повернулся без звука.

За дверью лежал узкий коридор, освещённый зелёными огнями. Стены были покрыты именами. Не выцарапанными, как на стекольне, а выложенными серебряными буквами. Их были тысячи.

Мара нашла имя матери почти сразу.

ЛИДИЯ ВЕЛЕСОВА.

Она коснулась букв. Коридор исчез.

Перед ней возник зал, полный людей. Они стояли неподвижно, каждый за тонкой зеркальной перегородкой. Мужчины, женщины, дети. Некоторые были одеты по моде двадцатилетней давности, другие — в совсем старинные костюмы.

— Они живы? — спросил Ардан.

— Не знаю.

Ближайшая женщина открыла глаза. Её ладонь легла на стекло. Мара подняла свою.

Между ними оставалась толщина одного отражения.

— Мама?

Женщина не отреагировала.

За соседней перегородкой появилась молодая девушка с короткими тёмными волосами. Ардан застыл.

— Нера.

— Кто это?

— Моя сестра.

Он подошёл к стеклу. Девушка посмотрела на него, и серебряная нить на его запястье вспыхнула.

— Мне говорили, что у меня никогда не было сестры, — сказал он. — Но я помнил её имя. Только имя.

В конце зала зажёгся свет.

Между рядами шёл хранитель Терен.

— Вы всегда были слишком любопытны, Мара, — произнёс он.

Ардан обнажил клинок.

— Откройте камеры.

— Это не камеры. Это фундамент города.

Терен остановился у центральной колонны. Внутри неё вращались сотни отражений.

— Двадцать лет назад Великая рама дала трещину. Из неё хлынуло то, что наши предшественники называли Тенью. Чтобы закрыть разлом, пришлось отдать память трёх тысяч человек.

— Вы украли их жизни, — сказала Мара.

— Мы спасли Вейград.

— Почему исчезновения продолжаются?

— Потому что печать слабеет. Городу нужны новые якоря.

Ардан шагнул к нему.

— Белов узнал об этом.

— Белов решил, что способен найти иной способ. Он ошибся.

— Вы его убили?

— Нет. Его убило собственное отражение.

Зеркальные перегородки одновременно потемнели. Люди за ними исчезли. Из стекла выступили их тени — плоские, длинные, лишённые лиц.

— У тени нет голоса, — прошептала Мара, вспоминая слова матери.

— Что?

— Они разговаривали с нами на стекольне. Значит, это не тени.

Терен побледнел.

Из центральной колонны донёлся смех.

Серебряная поверхность выплеснулась наружу. Она обвила хранителя, подняла его над полом и ударила о стекло. Ардан рванулся вперёд, но между ними выросла зеркальная стена.

По ту сторону стоял Северин Крой.

— Терен говорил правду, — сказал ректор. — Почти всю.

— Вы использовали его, — ответила Мара.

— Я использую каждого, кто уверен, что служит великой цели.

Он подошёл к ней вплотную, разделённый стеклом.

— Отдай ключ, дитя Лидии.

— Зачем он вам? Вы уже внутри.

— Я внутри отражения. А хочу войти в город.

Мара поняла. Человек, которого они видели в Палате, был оболочкой, отражённой копией. Настоящее существо оставалось заперто здесь.

— Моя мать остановила вас.

— Она отсрочила неизбежное.

Ардан ударил клинком по стене. Синяя молния разбежалась трещинами.

— Мара! К двери!

Она схватила Терена за ворот и потащила к выходу. Стена за спиной взорвалась осколками. Из них потянулись руки.

У самой двери Мара обернулась. Мать снова стояла за прозрачной перегородкой. На этот раз её губы шевельнулись.

«Не освобождай нас».

Железная дверь захлопнулась. Ключ в руке Мары треснул надвое.

Терен пришёл в себя в доме Ардана на рассвете. Капитан жил над закрытой оружейной лавкой, в комнатах без зеркал. Единственная полированная поверхность — медный чайник — была покрыта слоем копоти.

Хранитель сидел у печи, завернувшись в одеяло. За одну ночь он постарел лет на десять.

— Северин найдёт нас, — сказал он.

— Тогда говорите быстро, — ответил Ардан.

Мара положила перед Тереном половину железного ключа.

— Что открывает Великая рама?

— Не дверь. Связь между человеком и его отражением. Первые мастера считали отражение доказательством души. Потом выяснилось, что оно может существовать отдельно, если кормить его памятью.

— И Крой сделал это с собой?

Терен покачал головой.

— Северин Крой умер тридцать два года назад. Во время первого опыта. Его отражение заняло место хозяина.

— Почему никто не заметил?

— Потому что оно получило все его воспоминания. Манеры, голос, привычки. Даже страхи. Но отражение не стареет так, как человек. Каждые несколько лет ему требуется чужая память, чтобы обновлять лицо.

Ардан стоял у окна, наблюдая улицу через щель в ставнях.

— Три тысячи человек ради одного чудовища?

— Сначала нет. Ночь разбитого стекла действительно угрожала городу. Крой помог закрыть разлом. Потом понял, что заключённые могут поддерживать и его собственную жизнь.

Мара вспомнила мать за стеклом.

— Почему она сказала не освобождать их?

— Если разбить камеры, память вернётся владельцам сразу. Но вместе с ней выйдет всё, что накопилось в Нулевом архиве: страх, ненависть, последние мгновения каждого исчезнувшего. Тысячи чужих сознаний хлынут в город.

— Значит, нужен другой способ.

Терен посмотрел на неё.

— Ваша мать искала его. Она создала Архив теней — тайный реестр истинных имён. Имя удерживает человека в мире лучше зеркала. Именно поэтому существа на стекольные отступили, когда вы назвали себя.

— Где этот архив?

— Она спрятала его в единственном месте, куда Крой не мог заглянуть.

— В моём отражении.

Терен кивнул.

Снаружи раздался колокол. Один удар, пауза, ещё два. Сигнал Палаты о массовом нарушении реестра.

Ардан открыл ставню.

На улице люди останавливались у витрин. В зеркальных стёклах их отражения продолжали идти.

Некоторые переходили дорогу. Другие входили в дома. Одно отражение подняло камень и ударило стекло изнутри.

Город наполнился звоном.

— Великая рама открывается, — прошептал Терен.

В дверь забарабанили.

— Капитан! — крикнул снизу знакомый голос. — Приказ Совета. Откройте!

Ардан задул лампу.

— Чёрный ход через подвал. Ведёт к реке.

Мара помогла Терену подняться.

— Куда мы пойдём?

— К человеку, который умеет читать память в живом стекле.

— Такого искусства не существует.

— Поэтому он берёт дорого.

— Деньги у меня есть.

Ардан накинул плащ и посмотрел на серебряную нить на запястье.

— Ему не нужны деньги. Он берёт воспоминания.

Дождь изменил звук города. Капли били по стеклу так, словно кто-то терпеливо просился внутрь.

В подземный нулевой архив Мара снова пересчитала выходы. Их было 3, хотя при входе она заметила на один меньше. Терен держался рядом и делал вид, что не замечает, как Мара

касается большого пальца, — привычка, оставшаяся с детства. В воздухе жил запах горелого серебра; от него поверхность ближайшего зеркала мутнела по краям.

— Мы можем вернуться, — сказал Терен.

— Можем, — ответила Мара. — Но тогда кто-то другой решит, что именно здесь произошло. А чужие решения в Вейграде слишком часто становятся чужой памятью.

Она произнесла это спокойно, хотя место вытолкнуло на поверхность отцовский смех за закрытой кухонной дверью. Воспоминание было ясным и потому подозрительным: настоящая память редко сохраняет правильный свет, точные слова и удобное чувство вины. Мара позволила ему пройти сквозь себя, не споря. Зеркальная магия цеплялась за сопротивление; принятую боль ей было труднее превратить в дверь.

След вывел их к тому, что сначала казалось случайностью: реестр с выскобленным именем Лидии. Мара наклонилась, не прикасаясь. На поверхности проступали мелкие линии, похожие на письма, но складывались они только в отражении. Она достала карманную пластину, повернула её к свету и увидела между царапинами повторённый знак раскрытого глаза.

— Это оставили для нас? — спросил Терен.

— Нет. Для того, кто должен был прийти раньше.

— И кто это?

— Я, если бы двадцать лет назад не была ребёнком.

Ответ прозвучал резче, чем она хотела. Терен не стал утешать. Он лишь встал так, чтобы в пластине были видны две фигуры. Это был простой жест свидетеля: если кто-то исчезнет из памяти, оставшийся заметит пустое место.

Именно тогда коридоры меняют направление при каждой лжи. Сначала изменился свет, затем отражения повернули головы. Настоящие люди ещё не успели понять, что происходит, а их зеркальные двойники уже смотрели в сторону ближайшего выхода. Мара ощутила знакомое давление под рёбрами — будто невидимая рука пыталась вынуть из неё имя.

— Смотри на меня, — приказала она Терену. — Назови то, что знаешь наверняка.

— Ты Мара Велесова. Ты ненавидишь сладкий чай. Когда злишься, перестаёшь моргать. И ты не оставляешь людей в запертых комнатах.

— Последнее не факт.

— Для меня — факт.

Комната дрогнула. Несколько отражений вернулись к движениям хозяев. Мара поняла: заклятие пыталось заменить свидетельство правдоподобной версией. Версия могла быть красивой, убедительной и даже милосердной, но ей недоставало живого человека, готового отвечать за свои слова.

Они двинулись дальше, отмечая путь мелом на рамах. Через каждые десять шагов Мара заставляла себя сохранить одну подробность: трещину, пятно копоти, сорванную петлю, чужой волос. Так из мелочей возникала последовательность. Не чудо и не пророчество — поступки. Кто-то пришёл сюда заранее, подготовил ловушку и был уверен, что жертвы станут сомневаться в себе раньше, чем в увиденном.

За следующей дверью их ждал выбор. На одном стекле Мара увидела город спасённым и тихим. На другом — людей, возвращавшихся из забвения растерянными, сердитыми, непохожими на тех, кого ждали родные. Между зеркалами не было пути, который обещал бы счастье всем.

— Какое настоящее? — спросил Терен.

— Оба возможны.

— Тогда как выбирать?

Мара приложила ладонь к холодной раме.

— Не выбирать картинку. Выбирать действие, за которое согласен отвечать после того, как картинка окажется ложью.

Она разбила первое стекло рукоятью архивного ножа. Благополучный город рассыпался без звука. Во втором отражении вернувшиеся подняли головы, словно услышали удар, и один из них улыбнулся. Не благодарно — вызывающе. Мара улыбнулась в ответ. Живые не обязаны быть удобными доказательствами правильности её решения.

Внутри рамы обнаружилась тонкая запись. Буквы проступили от тепла её пальцев, и смысл оказался неприятнее угрозы: Северин Крой знал мать Мары и помогал ей скрыть ключ. Мара прочитала дважды. Во второй раз слова не изменились.

— Скажем остальным? — спросил Терен.

— Всё, кроме вывода.

— Почему?

— Потому что вывод должен выдержать чужие вопросы. Иначе это ещё одно зеркало, в котором я люблю собственную правоту.

Они переписали находку, поставили время и подписи, а затем добавили третью строку — что каждый из них помнил до входа. Так учила Лидия: свидетельство начинается не с уверенности, а с границы собственной памяти. Когда Мара закончила, буквы на скрытой пластине потемнели и больше не пытались перестроиться.

На обратном пути место снова испытало их. Из бокового прохода донёсся голос матери Мары — усталый, тёплый, живой. Он позвал её домашним именем, которого не знал никто из нынешних спутников. Мара остановилась. На один страшный миг ей захотелось отдать все найденные доказательства за право услышать ещё одно слово.

Терен не схватил её за руку.

— Я слышу голос, — сказал Терен. — Но не вижу человека. Решение твоё.

Мара закрыла глаза, досчитала до семи и пошла дальше. Голос стал злым, потом испуганным, потом детским. У порога он замолчал. В карманной пластине отражалась пустая дверь, а на плече Мары лежала рука Терена — настоящая, тяжёлая, не обещавшая вернуть прошлое.

Снаружи город встретил их шумом воды и колёс. Обыденность не уничтожила случившееся, зато вернула ему меру. Мара записала находку в рабочую книгу, оставив широкий край для будущих возражений. Под записью она вывела: «Память не приговор. Свидетель — не хозяин. Имя не принадлежит тому, кто его хранит».

— Это новое правило? — спросил Терен.

— Пока только попытка.

— А когда станет правилом?

— Когда переживёт нас.

Позже, когда первое потрясение отступило, Мара вернулась в подземный нулевой архив. Она всегда возвращалась на место после того, как остальные считали работу законченной. Страх менял масштаб вещей; только во второй визит становилось видно, какие следы оставил человек, а какие подсказки услужливо подложила магия.

Терен ждал у входа и держал кожаную папку. О голосе Лидии они не заговорили. Молчание между ними не было тайной — скорее отсроченным разговором, которому следовало дать правильное время.

— Я нашёл свидетеля, — наконец сказал Терен. — Дежурный фонарщик. Утверждает, что видел свет за час до события.

— Утверждает или помнит?

— Какая разница?

— Утверждение можно проверить. Память приходится беречь даже тогда, когда она ошибается.

Свидетель говорил сбивчиво и трижды менял цвет увиденного света. Мара не поправляла. Она просила описать не главное, а края: куда текла вода, какая рука замёрзла первой, скрипела ли вывеска, лаяли ли собаки. Ложная память заботилась о центре истории и редко

тратила силу на ненужные подробности. На четвёртом вопросе выяснилось, что перед вспышкой все уличные зеркала отразили полдень.

— Но было за полночь, — сказал Терен.

— Значит, нам показали не другое место. Нам показали другое время.

Мара разложила копии показаний на каменном парапете. Рядом лег рисунок находки — реестр с выскобленным именем Лидии. Если перевернуть лист и смотреть сквозь него на свет, линии совпадали с планом старых водостоков. Один канал вёл к зданию, которого не значилось ни на одной современной карте.

— Случайность? — спросил Терен.

— Случайность не тратит столько усилий, чтобы выглядеть случайностью.

Они спустились к каналу. Вода доходила до щиколоток и была неподвижной, хотя над головой шумела река. На стенах через равные промежутки висели маленькие зеркала обратной стороной наружу. Мара не поворачивала их. В архивной школе учили, что неизвестное зеркало надо открыть как письмо: установить отправителя, адресата и причину, по которой послание не уничтожили.

На третьей раме сохранился отпечаток воска. На шестой — нитка с форменного плаща. Девятая была тёплой. За ней кто-то дышал.

— Если там человек? — тихо спросил Терен.

— Тогда мы обязаны открыть.

— А если не человек?

— Тогда обязаны открыть медленнее.

Они натянули свидетельскую нить между запястьями. Мара повернула зеркало. За стеклом находилась маленькая комната, освещённая летним солнцем. За столом сидела девочка семи лет и старательно выводила в тетради имя Мары. Она подняла голову точно в тот миг, когда зеркало открылось.

— Ты опоздала, — сказала девочка.

Мара узнала собственный голос, но не собственную память.

— К чему?

— К тому дню, когда можно было никого не потерять.

На столе появились две чашки. Во второй поднимался пар. Мара почувствовала яблоко и корицу, услышала шаги матери в соседней комнате. Ловушка не обещала невозможного. Она предлагала всего лишь остаться на минуту, задать один вопрос, увидеть одно лицо. Самые прочные двери всегда начинались с маленького разрешения.

— Назови дату, — сказал Терен.

Девочка нахмурилась.

— Зачем?

— У всякого настоящего дня есть дата.

Комната за зеркалом мигнула. Солнечный свет стал плоским. Девочка открыла рот, но вместо ответа из него посыпалась серебряная пыль. Мара захлопнула раму и опечатала её солью.

Под зеркалом обнаружилась надпись, оставленная ногтем: «Северин Крой знал мать Мары и помогал ей скрыть ключ». Она не доказывала вывод, но связывала разрозненные события с чьим-то намерением. Так история переставала быть чередой чудовищных совпадений.

Когда они выбрались наверх, коридоры меняют направление при каждой лжи. На этот раз Мара не бросилась гасить последствия в одиночку. Она передала Терену копию записи и велела прочесть её вслух перед двумя посторонними. Слова, разделённые между людьми, теряли власть тайного приказа.

— Ты доверяешь мне? — спросил Терен, когда всё закончилось.

— Доверяю достаточно, чтобы проверять.

— От тебя это почти признание.

— Не привыкай.

Он улыбнулся, и на короткий миг его отражение улыбнулось одновременно с ним. Мара заметила это и почувствовала облегчение, слишком простое для торжества. Она внесла в журнал имя свидетеля, время разговора и все противоречия. В конце оставила пустую строку.

— Для чего она?

— Для того, что мы пока не готовы увидеть.

Пустая строка была честнее точки. Она признавала: расследование продолжается, а найденная правда не даёт права закрыть чужую историю удобным выводом.

В архиве они работали до утра. Мара разделила стол мелом на три части: подтверждённое, вероятное и желаемое. Последняя колонка была самой важной. Именно туда она записала надежды, которые могли заставить их принять удобную ложь за доказательство.

— Ты всерьёз собираешься записывать собственные ошибки заранее? — спросил Терен.

— Ошибки заранее называются предположениями. Если их не записать, после победы они притворятся прозрениями.

Они восстановили путь по минутам. В показаниях не хватало четверти часа; в реестре — одной подписи; в памяти Мары — лица человека, который должен был стоять у двери. Все три пустоты имели одинаковую форму. Когда поверх схемы положили зеркальную кальку, возник адрес.

По адресу находилась прачечная, закрытая много лет назад. Хозяйка помнила каждого клиента, кроме одного: человека, приносившего совершенно чистые простыни. В его карманах она однажды нашла осколки регистрационных пластин и вернула, не задавая вопросов.

— Почему молчали? — спросила Мара.

— Потому что он назвал имя моего сына, — ответила женщина. — Сын умер младенцем. Никто, кроме меня, его не знал.

Мара записала имя мальчика полностью. Свидетельница заплакала не от горя, а от облегчения: впервые за сорок лет кто-то произнёс его вслед за ней. На внутренней стороне двери прачечной обнаружился тот же знак, что сопровождал их расследование.

Вернувшись, Мара перенесла адрес в колонку подтверждённого, а фразу «Северин Крой знал мать Мары и помогал ей скрыть ключ» — в вероятное. Затем зачеркнула в желаемом слова «я успею спасти всех».

— Жестоко, — сказал Терен.

— Зато не к ним. К себе.

За окнами зажигались утренние фонари. Их отражения тянулись по стеклу длиннее настоящих фигур. Мара закрыла журнал и поставила две печати — свою и Терена. Теперь, если одну память перепишут, вторая сохранит не только вывод, но и путь к нему.

Глава 4. Торговец прошлым

Они выбрались к реке через угольный подвал. Над Нижним берегом поднимался дым: горели две зеркальные мастерские и лавка часовщика. На мостовой лежали разбитые витрины. Стража оттесняла людей от стекла, но отражения продолжали двигаться в каждом уцелевшем осколке.

Терен идти дальше не смог. Ардан отвёл его к старому лекарю, которому доверял, и велел не называть настоящего имени. После этого они с Марой спустились к пристаням.

Торговец прошлым жил на барже, пришвартованной под Первым мостом. На двери каюты не было ни имени, ни замка. Внутри горели десятки свечей, а вдоль стен стояли банки с мутной водой. В каждой плавало воспоминание: детский смех, запах снега, чьи-то пальцы на клавишах.

Хозяин баржи оказался маленьким сухим стариком с глазами разного цвета.

— Капитан Ардан, — сказал он. — Вы всё-таки решили продать последнее воспоминание о сестре?

— Нет, Юст. Нам нужно открыть чужое отражение.

Старик посмотрел на Мару.

— Не чужое. Оно выросло вместе с ней.

— Вы знаете, кто я?

— Я знаю, чего в вас слишком много.

Юст подвёл её к круглому зеркалу, поверхность которого была чёрной, как глубокая вода.

— Положите ладонь на стекло. Оно возьмёт плату само.

— Какую?

— Узнаете, когда перестанете помнить.

Ардан встал между ними.

— Сначала объясните, что произойдёт.

— Её отражение откроется изнутри. Если там действительно спрятан архив, она увидит его. Если там сидит нечто другое, оно увидит нас.

— Есть безопасный способ?

— Безопасные способы существуют только у людей, которые никуда не идут.

Мара приложила ладонь к стеклу.

Холод вошёл в пальцы и поднялся по руке. Каюта исчезла. Она стояла в родительской кухне. Отец резал хлеб, за окном падал первый снег, мать напевала песню без слов.

На столе лежала раскрытая книга. На каждой странице было написано одно имя.

Мара шагнула ближе.

Книга захлопнулась.

В кресле у окна сидела её собственная копия. Не зеркальная — настоящая, объёмная, в таком же тёмном платье. Только волосы у неё были распущены, а глаза казались серебряными.

— Ты долго, — сказала копия.

— Кто ты?

— Та часть тебя, которой велели помнить.

— Где Архив теней?

— Во мне. Но открыть его можно только ценой имени.

— Чьего?

Копия указала на отца.

Он по-прежнему резал хлеб, не замечая их.

— Его имя связывает тебя с прошлым. Отдай его — получишь первое имя из архива.

— Нет.

— Тогда город забудет три тысячи других.

Мара подошла к отцу. Она помнила его руки, запах табака на пальто, низкий голос. Но имя уже начинало ускользать. Зеркало брало плату независимо от решения.

— Останови это.

— Ты сама положила руку на стекло.

В кухне появилась дверь. За ней звучал звон разбивающегося города.

Мара закрыла глаза.

— Я отдаю имя отца. Но не воспоминания о нём.

— Имя держит воспоминания вместе.

— Тогда я соберу их заново.

Копия улыбнулась впервые.

— Теперь ты говоришь как хранитель.

Мир вспыхнул белым.

Мара пришла в себя на полу каюты. Ардан держал её за плечи. Юст стоял рядом с пустой банкой.

— Что вы забрали? — спросил капитан.

Старик показал банку. В воде плавало слово, но Мара не могла его прочесть.

— Имя её отца.

Она знала, что у неё был отец. Видела его лицо. Помнила, как он нёс её на плечах через летнюю площадь. Но имя исчезло, оставив аккуратную пустоту.

На внутренней стороне её запястья проступили серебряные буквы:

ЛИДИЯ ВЕЛЕСОВА.

— Первое имя, — сказала Мара. — Архив открывается по одному.

Юст отвернулся к окну.

— Тогда вам понадобится столько воспоминаний, сколько людей вы хотите вернуть.

— Нет, — ответила она. — Моя мать не могла создать способ, который повторяет преступление Кроя. Должен быть другой ключ.

Снаружи кто-то постучал по борту баржи.

Ардан обнажил клинок.

Из воды поднялась женщина. Платье прилипло к телу, волосы закрывали лицо. Она ступила на палубу, не оставив ни одной капли.

— Нера, — прошептал он.

Женщина подняла голову. У неё было лицо его сестры и серебряные глаза отражения.

— Клим, — сказала она. — Ты так долго меня помнил. Теперь позволь мне вспомнить тебя.

Нера вошла в каюту, и все свечи погасли.

Ардан не опустил оружие, но рука у него дрогнула.

— Как ты выбралась?

— Через трещины. Теперь их много.

Она говорила голосом молодой девушки, хотя прошло семнадцать лет с её исчезновения. На вид ей по-прежнему было шестнадцать.

Мара посмотрела в чёрное зеркало. Оно отражало Ардана, Юста и её саму. На месте Неры колыхалась вода.

— Это не ваша сестра.

— Я знаю, — тихо ответил капитан.

Существо улыбнулось.

— Но ты хочешь ошибиться.

Оно шагнуло к нему. Ардан отступил. Не из страха — чтобы сохранить расстояние для удара.

— Что случилось в тот день? — спросил он.

— Мы пошли на ярмарку. Ты купил мне красную ленту. Потом в зеркальном шатре погас свет.

Ардан побледнел. Этих подробностей не мог знать никто.

— Где лента?

— Ты завязал её на перилах Второго моста, когда искал меня.

— Неправда. Я бросил её в реку.

Клинок рассёк воздух. Голова существа качнулась набок, пропуская удар, и рука с длинными прозрачными пальцами метнулась к лицу Ардана.

Мара подставила круглое зеркало. Пальцы вошли в него, словно в воду. Юст перевернул сосуд с красным воском и запечатал поверхность.

Нера закричала. Её рука оказалась зажата по локоть.

— Имя! — крикнул старик. — Назовите настоящее имя!

Ардан сжал зубы.

— Нера Иллария Ардан.

Существо выгнулось. По коже прошли трещины.

— Дочь Элиаса и Мейры. Родилась зимой, когда замёрзла Чёрная река. Боялась собак и не умела лгать.

С каждым словом лицо Неры становилось живее. Серебро уходило из глаз. Она рухнула на колени.

— Клим...

Теперь в её голосе был страх.

Ардан замер.

— Продолжайте, — сказала Мара. — Имя удерживает её.

Он опустился рядом.

— Ты сломала руку в девять лет. Сказала отцу, что упала с лестницы, но на самом деле полезла на крышу. Ты ненавидела молоко. Хотела стать корабельным мастером.

Нера заплакала.

Чёрное зеркало за их спинами задрожало. Из воска вырвалась зажатая рука, но теперь она была человеческой.

Юст зажёл свечу и внимательно посмотрел на девушку.

— Это она. Не вся, но настоящая часть.

Ардан снял плащ и укрыл сестру.

— Почему ты вышла сейчас?

— Он отпустил меня. Сказал, что ты приведёшь хранительницу.

— Крой?

Нера покачала головой.

— Тот, кто стоит за Кроем. У него нет имени. Он живёт между первым взглядом и отражением.

Юст выругался.

— Зеркальный король, — сказал он. — Старые мастера называли его Первородной Тенью.

— У тени нет голоса, — повторила Мара.

— У обычной — нет. Но эта научилась говорить голосами тех, кого съела.

Нера схватила брата за рукав.

— Сегодня ночью Крой соберёт Совет во Дворце. Он откроет Малую раму и заменит тех, кто ему мешает. Завтра городом будут управлять отражения.

— Как попасть во дворец? — спросила Мара.

— Советский приём, — ответил Ардан. — Вход по приглашениям, охрана на каждом мосту.

Юст усмехнулся.

— На приёмы всегда пускают тех, кого хотят увидеть, и тех, кого не замечают.

Он открыл шкаф. Внутри висело длинное платье цвета тёмного серебра и мундир советского курьера.

— Почему у вас есть одежда нашего размера? — спросила Мара.

— Я торгую прошлым. Иногда заранее знаю, кому оно понадобится.

Нера осталась на барже: ей требовались соль, тепло и непрерывно повторяемое имя. Перед уходом она подозвала Мару.

— Твоё отражение боится тебя.

— Почему?

— Потому что знает: в конце останется только одна.

Самым опасным оказалось не то, что они увидели, а то, как быстро увиденное показалось привычным.

В рынок памяти под дождевыми навесами Мара снова пересчитала выходы. Их было 3, хотя при входе она заметила на один меньше. Нера держалась рядом и делала вид, что не замечает, как Мара касается большого пальца, — привычка, оставшаяся с детства. В воздухе жил неправильная тень; от него поверхность ближайшего зеркала мутнела по краям.

— Мы можем вернуться, — сказала Нера.

— Можем, — ответила Мара. — Но тогда кто-то другой решит, что именно здесь произошло. А чужие решения в Вейграде слишком часто становятся чужой памятью.

Она произнесла это спокойно, хотя место вытолкнуло на поверхность первый день, когда собственное отражение опоздало. Воспоминание было ясным и потому подозрительным: настоящая память редко сохраняет правильный свет, точные слова и удобное чувство вины. Мара позволила ему пройти сквозь себя, не споря. Зеркальная магия цеплялась за сопротивление; принятую боль ей было труднее превратить в дверь.

След вывел их к тому, что сначала казалось случайностью: флакон с голосом десятилетней давности. Мара наклонилась, не прикасаясь. На поверхности проступали мелкие линии, похожие на письма, но складывались они только в отражении. Она достала карманную пластину, повернула её к свету и увидела между царапинами повторённый знак раскрытого глаза.

— Это оставили для нас? — спросила Нера.

— Нет. Для того, кто должен был прийти раньше.

— И кто это?

— Я, если бы двадцать лет назад не была ребёнком.

Ответ прозвучал резче, чем она хотела. Нера не стала утешать. Она лишь встала так, чтобы в пластине были видны две фигуры. Это был простой жест свидетеля: если кто-то исчезнет из памяти, оставшийся заметит пустое место.

Именно тогда торговец Юст требует детское воспоминание Мары. Сначала изменился свет, затем отражения повернули головы. Настоящие люди ещё не успели понять, что происходит, а их зеркальные двойники уже смотрели в сторону ближайшего выхода. Мара ощутила знакомое давление под рёбрами — будто невидимая рука пыталась вынуть из неё имя.

— Смотри на меня, — приказала она Нере. — Назови то, что знаешь наверняка.

— Ты Мара Велесова. Ты ненавидишь сладкий чай. Когда злишься, перестаёшь моргать. И ты не оставляешь людей в запертых комнатах.

— Последнее не факт.

— Для меня — факт.

Комната дрогнула. Несколько отражений вернулись к движениям хозяев. Мара поняла: заклятие пыталось заменить свидетельство правдоподобной версией. Версия могла быть кра-

сивой, убедительной и даже милосердной, но ей не доставало живого человека, готового отвечать за свои слова.

Они двинулись дальше, отмечая путь мелом на рамах. Через каждые десять шагов Мара заставляла себя оспорить одну подробность: трещину, пятно копоти, сорванную петлю, чужой волос. Так из мелочей возникала последовательность. Не чудо и не пророчество — поступки. Кто-то пришёл сюда заранее, подготовил ловушку и был уверен, что жертвы станут сомневаться в себе раньше, чем в увиденном.

За следующей дверью их ждал выбор. На одном стекле Мара увидела город спасённым и тихим. На другом — людей, возвращавшихся из забвения растерянными, сердитыми, непохожими на тех, кого ждали родные. Между зеркалами не было пути, который обещал бы счастье всем.

— Какое настоящее? — спросила Нера.

— Оба возможны.

— Тогда как выбирать?

Мара приложила ладонь к холодной раме.

— Не выбирать картинку. Выбирать действие, за которое согласен отвечать после того, как картинка окажется ложью.

Она разбила первое стекло рукоятью архивного ножа. Благополучный город рассыпался без звука. Во втором отражении вернувшиеся подняли головы, словно услышали удар, и один из них улыбнулся. Не благодарно — вызывающе. Мара улыбнулась в ответ. Живые не обязаны быть удобными доказательствами правильности её решения.

Внутри рамы обнаружилась тонкая запись. Буквы проступили от тепла её пальцев, и смысл оказался неприятнее угрозы: Нера вернулась не из смерти, а из отменённой записи. Мара прочитала дважды. Во второй раз слова не изменились.

— Скажем остальным? — спросила Нера.

— Всё, кроме вывода.

— Почему?

— Потому что вывод должен выдержать чужие вопросы. Иначе это ещё одно зеркало, в котором я люблю собственную правоту.

Они переписали находку, поставили время и подписи, а затем добавили третью строку — что каждый из них помнил до входа. Так учила Лидия: свидетельство начинается не с уверенности, а с границы собственной памяти. Когда Мара закончила, буквы на скрытой пластине потемнели и больше не пытались перестроиться.

На обратном пути место снова испытало их. Из бокового прохода донёсся голос матери Мары — усталый, тёплый, живой. Он позвал её домашним именем, которого не знал никто из нынешних спутников. Мара остановилась. На один страшный миг ей захотелось отдать все найденные доказательства за право услышать ещё одно слово.

Нера не схватила её за руку.

— Я слышу голос, — сказала Нера. — Но не вижу человека. Решение твоё.

Мара закрыла глаза, досчитала до семи и пошла дальше. Голос стал злым, потом испуганным, потом детским. У порога он замолчал. В карманной пластине отражалась пустая дверь, а на плече Мары лежала рука Неры — настоящая, тяжёлая, не обещавшая вернуть прошлое.

Снаружи город встретил их шумом воды и колёс. Обыденность не уничтожила случившееся, зато вернула ему меру. Мара записала находку в рабочую книгу, оставив широкий край для будущих возражений. Под записью она вывела: «Память не приговор. Свидетель — не хозяин. Имя не принадлежит тому, кто его хранит».

— Это новое правило? — спросила Нера.

— Пока только попытка.

— А когда станет правилом?

— Когда переживёт нас.

Позже, когда первое потрясение отступило, Мара вернулась в рынок памяти под дождевыми навесами. Она всегда возвращалась на место после того, как остальные считали работу законченной. Страх менял масштаб вещей; только во второй визит становилось видно, какие следы оставил человек, а какие подсказки услужливо подложила магия.

Нера ждала у входа и держала связку ключей. О голосе Лидии они не заговорили. Молчание между ними не было тайной — скорее отсроченным разговором, которому следовало дать правильное время.

— Я нашла свидетеля, — наконец сказала Нера. — Слепая продавщица соли. Утверждает, что видел свет за час до события.

— Утверждает или помнит?

— Какая разница?

— Утверждение можно проверить. Память приходится беречь даже тогда, когда она ошибается.

Свидетель говорил сбивчиво и трижды менял цвет увиденного света. Мара не поправляла. Она просила описать не главное, а края: куда текла вода, какая рука замёрзла первой, скрипела ли вывеска, лаяли ли собаки. Ложная память заботилась о центре истории и редко тратила силу на ненужные подробности. На четвёртом вопросе выяснилось, что перед вспышкой все уличные зеркала отразили полдень.

— Но было за полночь, — сказала Нера.

— Значит, нам показали не другое место. Нам показали другое время.

Мара разложила копии показаний на каменном парапете. Рядом лег рисунок находки — флакон с голосом десятилетней давности. Если перевернуть лист и смотреть сквозь него на свет, линии совпадали с планом старых водостоков. Один канал вёл к зданию, которого не значилось ни на одной современной карте.

— Случайность? — спросила Нера.

— Случайность не тратит столько усилий, чтобы выглядеть случайностью.

Они спустились к каналу. Вода доходила до щиколоток и была неподвижной, хотя над головой шумела река. На стенах через равные промежутки висели маленькие зеркала обратной стороной наружу. Мара не поворачивала их. В архивной школе учили, что неизвестное зеркало надо открыть как письмо: установить отправителя, адресата и причину, по которой послание не уничтожили.

На третьей раме сохранился отпечаток воска. На шестой — нитка с форменного плаща. Девятая была тёплой. За ней кто-то дышал.

— Если там человек? — тихо спросила Нера.

— Тогда мы обязаны открыть.

— А если не человек?

— Тогда обязаны открыть медленнее.

Они натянули свидетельскую нить между запястьями. Мара повернула зеркало. За стеклом находилась маленькая комната, освещённая летним солнцем. За столом сидела девочка семи лет и старательно выводила в тетради имя Мары. Она подняла голову точно в тот миг, когда зеркало открылось.

— Ты опоздала, — сказала девочка.

Мара узнала собственный голос, но не собственную память.

— К чему?

— К тому дню, когда можно было никого не потерять.

На столе появились две чашки. Во второй поднимался пар. Мара почувствовала яблоко и корицу, услышала шаги матери в соседней комнате. Ловушка не обещала невозможного. Она

предлагала всего лишь остаться на минуту, задать один вопрос, увидеть одно лицо. Самые прочные двери всегда начинались с маленького разрешения.

— Назови дату, — сказала Нера.

Девочка нахмурилась.

— Зачем?

— У всякого настоящего дня есть дата.

Комната за зеркалом мигнула. Солнечный свет стал плоским. Девочка открыла рот, но вместо ответа из него посыпалась серебряная пыль. Мара захлопнула раму и опечатала её солью.

Под зеркалом обнаружилась надпись, оставленная ногтем: «Нера вернулась не из смерти, а из отменённой записи». Она не доказывала вывод, но связывала разрозненные события с чьим-то намерением. Так история переставала быть чередой чудовищных совпадений.

Когда они выбрались наверх, торговец Юст требует детское воспоминание Мары. На этот раз Мара не бросилась гасить последствия в одиночку. Она передала Нере копию записи и велела прочесть её вслух перед двумя посторонними. Слова, разделённые между людьми, теряли власть тайного приказа.

— Ты доверяешь мне? — спросила Нера, когда всё закончилось.

— Доверяю достаточно, чтобы проверять.

— От тебя это почти признание.

— Не привыкай.

Он улыбнулся, и на короткий миг его отражение улыбнулось одновременно с ним. Мара заметила это и почувствовала облегчение, слишком простое для торжества. Она внесла в журнал имя свидетеля, время разговора и все противоречия. В конце оставила пустую строку.

— Для чего она?

— Для того, что мы пока не готовы увидеть.

Пустая строка была честнее точки. Она признавала: расследование продолжается, а найденная правда не даёт права закрыть чужую историю удобным выводом.

В архиве они работали до утра. Мара разделила стол мелом на три части: подтверждённое, вероятное и желаемое. Последняя колонка была самой важной. Именно туда она записала надежды, которые могли заставить их принять удобную ложь за доказательство.

— Ты всерьёз собираешься записывать собственные ошибки заранее? — спросила Нера.

— Ошибки заранее называются предположениями. Если их не записать, после победы они притворятся прозрениями.

Они восстановили путь по минутам. В показаниях не хватало четверти часа; в реестре — одной подписи; в памяти Мары — лица человека, который должен был стоять у двери. Все три пустоты имели одинаковую форму. Когда поверх схемы положили зеркальную кальку, возник адрес.

По адресу находилась прачечная, закрытая много лет назад. Хозяйка помнила каждого клиента, кроме одного: человека, приносившего совершенно чистые простыни. В его карманах она однажды нашла осколки регистрационных пластин и вернула, не задавая вопросов.

— Почему молчали? — спросила Мара.

— Потому что он назвал имя моего сына, — ответила женщина. — Сын умер младенцем. Никто, кроме меня, его не знал.

Мара записала имя мальчика полностью. Свидетельница заплакала не от горя, а от облегчения: впервые за сорок лет кто-то произнёс его вслед за ней. На внутренней стороне двери прачечной обнаружился тот же знак, что сопровождал их расследование.

Вернувшись, Мара перенесла адрес в колонку подтверждённого, а фразу «Нера вернулась не из смерти, а из отменённой записи» — в вероятное. Затем зачеркнула в желаемом слова «я успею спасти всех».

— Жестоко, — сказала Нера.

— Зато не к ним. К себе.

За окнами зажигались утренние фонари. Их отражения тянулись по стеклу длиннее настоящих фигур. Мара закрыла журнал и поставила две печати — свою и Неры. Теперь, если одну память перепишут, вторая сохранит не только вывод, но и путь к нему.

Глава 5. Бал зеркал

Дворец Семи Мостов сиял над рекой, будто огромный фонарь. Его центральный зал построили из дымчатого стекла; стены отражали гостей моложе, красивее и увереннее, чем они были на самом деле.

Мара вошла под именем Миры Вален, дальней родственницы хранителя Терена. Серебряное платье Юста скрывало на внутреннем шве десятки маленьких карманов. В них лежали соль, мел, три зеркальных ножа и половина железного ключа.

Ардан изображал курьера и должен был проникнуть в служебное крыло.

— Не смотрите долго ни в одно зеркало, — предупредил он перед расставанием.

— Я работаю в Палате.

— Именно поэтому предупреждаю.

В центре зала стоял Северин Крой. Гости окружали его, смеялись, принимали из рук слуг бокалы. Ректор выглядел совершенно обычным. Его отражения повторяли каждое движение.

Мара медленно обошла зал. В первом зеркале Крой улыбался. Во втором держал руки за спиной. В третьем смотрел прямо на неё, хотя настоящий ректор был повернут к советнице Мейл.

Крой заметил Мару и поднял бокал.

Она ответила лёгким поклоном.

— Госпожа Вален, — произнёс он, когда подошёл. — Мы встречались?

— Только в отражениях.

— Опасное место для знакомства.

— Зависит от того, кто смотрит первым.

Он предложил ей руку. Оркестр начал медленный танец. Отказ привлёк бы внимание, и Мара позволила вывести себя в круг.

— Вы хорошо носите чужое имя, — сказал Крой.

— Вы тоже.

Его пальцы чуть сильнее сжали её ладонь.

— Лидия была смелее.

— Поэтому вы её боялись.

— Я восхищался ею. Страх пришёл позже, когда она поняла, что дочь способна стать дверью.

— Дверью для кого?

— Для всех забытых. Или для того, кто их поглотил.

Они двигались среди пар. В зеркальных стенах танцующих становилось всё больше. Некоторые отражения не имели оригиналов.

— Вы могли забрать ключ у меня много лет назад, — сказала Мара.

— Ключ бесполезен, пока вы сами не откроете архив. Ваша мать построила защиту на свободной воле. Досадное проявление морали.

Музыка ускорилась.

— А Белов? Он тоже добровольно вошёл в зеркало?

— Он добровольно выбрал страх. Большинство людей делает именно это.

На балконе появился Ардан. Он едва заметно коснулся воротника — условный знак. Вход к Малой раме найден.

Мара резко остановилась.

— Благодарю за танец.

Крой не отпустил её.

— Вы пришли за списком членов Совета, которых заменили. Он находится в моём кабинете. Левый ящик, под ложным дном.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что правда ведёт туда же, куда ложь. Только быстрее.

Все зеркала в зале потемнели.

Оркестр продолжал играть, но музыканты один за другим опускали инструменты. Их отражения играли вместо них.

Крой отпустил Мару.

— Начинается.

Гости повернулись к стенам. Из каждого зеркала на них смотрели более совершенные версии: без морщин, без шрамов, без страха. Отражения протягивали руки.

Советница Мейл коснулась стекла первой. Её двойник шагнул наружу, а настоящая женщина оказалась по другую сторону.

Никто не закричал. Остальные гости смотрели заворожённо.

Мара бросила на пол соль. Белая линия пересекла зал, и ближайшие зеркала покрылись трещинами.

— Пожар! — крикнула она.

Это слово люди понимали лучше магии. Началась паника.

Ардан спрыгнул с балкона на лестницу.

— Сюда!

Они прорвались в служебный коридор. За спиной раздался голос Кроя:

— Беги, Мара. Двери любят тех, кто пытается от них уйти.

Малая рама находилась под тронным залом. К ней вела винтовая лестница, увешанная портретами прежних правителей Вейграда. На каждом портрете лицо было закрыто тонким слоем серебра.

У нижней двери лежали двое стражников. Они дышали, но их отражения стояли рядом и держали копьё.

Ардан провёл клинком по соляному бруску. Лезвие побелело.

— Не убивайте оригиналы, — сказала Мара.

— Постараюсь объяснить это их двойникам.

Отражённые стражники напали без команды. Они двигались быстрее людей: не тратили время на страх и сомнение. Ардан принял первый удар, развернулся и рассёк копьё. Мара бросила зеркальный нож во второго двойника. Лезвие вошло в грудь без крови, и фигура разлетелась на мокрые осколки.

Первый схватил капитана за горло.

— Назовите его! — крикнула Мара лежащему стражнику. — Скажите, кто он!

Мужчина открыл глаза.

— Орис Дан. Мой напарник... двенадцать лет.

Двойник задрожал. Ардан ударил рукоятью, и тот рухнул серебристой лужей.

За дверью стояла овальная рама высотой в два человеческих роста. Стекла в ней не было. Внутри колыхалась темнота, отражавшая зал, которого здесь не существовало.

Перед рамой находился советник Белов.

Живой.

— Вы опоздали, — сказал он.

Мара не приблизилась.

— Ваше тело в Палате.

— Тело — неудобная привычка.

— Кто вы?

Белов улыбнулся, и его лицо стало лицом советницы Мейл. Потом Ардана. Потом Мары.

— Я тот, кого вы создаёте каждый раз, когда хотите казаться лучше, чем есть.

Из рамы вышли десятки фигур. Заменённые члены Совета, чиновники, стражники. Некоторые носили лица людей, которые ещё были живы.

Ардан встал рядом с Марой.

— План?

— Разрушить крепления рамы. Не поверхность — её нет. Четыре серебряных замка по углам.

— Я вижу три.

— Четвёртый существует только в отражении.

Он коротко кивнул.

Они бросились в разные стороны. Ардан прорубал путь к верхнему замку, Мара скользнула под рукой двойника Белова и ударила ножом по нижнему. Серебро зазвенело.

Первый замок лопнул.

Рама накренилась. Из темноты донёсся рёв, похожий на шум толпы.

Двойник Мары встал перед ней.

— Не ломай её, — сказала копия. — Через эту дверь мы освободим твою мать.

— Ты сама говорила, что выйдет не только она.

— Я говорила то, что нужно было, чтобы ты дошла сюда.

Мара почувствовала, как внутри открывается пустота. Значит, копия из её отражения могла лгать. Или существо перед ней лишь носило знакомое лицо.

— Что я отдала Юсту?

— Имя отца.

— Как он держал нож, когда резал хлеб?

Копия замолчала.

Мара ударила её зеркальным ножом.

Лицо двойника раскололось. Под ним не было ничего.

Второй замок разбил Ардан. Третий поддался после трёх ударов.

Оставался невидимый.

Мара достала половину железного ключа и посмотрела через его отверстие. Мир перевернулся: стены стали полом, люди — тенями, а в верхней части рамы появился четвёртый замок.

Она метнула ключ.

Железо вошло точно в скважину.

Рама схлопнулась с грохотом. Воздушная волна швырнула Мару к стене. На несколько секунд всё стихло.

Потом Ардан помог ей подняться.

— Мы закрыли её?

— Малую — да.

На полу лежала тонкая серебряная книга. На обложке был знак раскрытого глаза.

Мара перевернула первую страницу. Там находился список из сорока семи имён. Рядом с каждым стояла дата замены.

Последнее имя было её собственным.

Дата — завтрашня.

После этого тишина стала вещественной. Она оседала на одежде и заставляла говорить тише, чем хотелось.

В Дворец Семи Мостов во время зеркального бала Мара снова пересчитала выходы. Их было 3, хотя при входе она заметила на один меньше. Клим держался рядом и делал вид, что не замечает, как Мара касается большого пальца, — привычка, оставшаяся с детства. В воздухе жил холод; от него поверхность ближайшего зеркала мутнела по краям.

— Мы можем вернуться, — сказал Клим.

— Можем, — ответила Мара. — Но тогда кто-то другой решит, что именно здесь произошло. А чужие решения в Вейграде слишком часто становятся чужой памятью.

Она произнесла это спокойно, хотя место вытолкнуло на поверхность запах яблочной кожуры на материнских пальцах. Воспоминание было ясным и потому подозрительным: настоящая память редко сохраняет правильный свет, точные слова и удобное чувство вины. Мара позволила ему пройти сквозь себя, не споря. Зеркальная магия цеплялась за сопротивление; принятую боль ей было труднее превратить в дверь.

След вывел их к тому, что сначала казалось случайностью: малая рама в гербе Совета. Мара наклонилась, не прикасаясь. На поверхности проступали мелкие линии, похожие на письмена, но складывались они только в отражении. Она достала карманную пластину, повернула её к свету и увидела между царапинами повторённый знак раскрытого глаза.

— Это оставили для нас? — спросил Клим.

— Нет. Для того, кто должен был прийти раньше.

— И кто это?

— Я, если бы двадцать лет назад не была ребёнком.

Ответ прозвучал резче, чем она хотела. Клим не стал утешать. Он лишь встал так, чтобы в пластине были видны две фигуры. Это был простой жест свидетеля: если кто-то исчезнет из памяти, оставшийся заметит пустое место.

Именно тогда маски гостей начинают произносить их тайные имена. Сначала изменился свет, затем отражения повернули головы. Настоящие люди ещё не успели понять, что происходит, а их зеркальные двойники уже смотрели в сторону ближайшего выхода. Мара ощутила знакомое давление под рёбрами — будто невидимая рука пыталась вынуть из неё имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.